

Глава 17. Первая встреча с Оуяном

Миновал час. Ваньянь Кан уже собирался лечь, когда ночную тишину лагеря прорезали тонкие, прерывистые звуки флейты. Он мгновенно подобрался, прислушиваясь. Мелодия была странной — в ней не чувствовалось ни мастерства, ни души. Лишь сухие, монотонные ноты, лишенные всякого изящества. В безмолвии степи этот нескладный наигрыш звучал куда более зловеще, чем самая искусная игра: так мог играть лишь тот, кто бесконечно далек от музыки и чужд пустому эстетству.

Подав Фэну знак не спускать глаз с отца, Ваньянь Кан бесшумно выскользнул из шатра. Повинуясь зову флейты, он вскоре вышел на открытое место неподалеку от лагеря. Перед ним предстал юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Одетый в белоснежные одежды, он замер посреди пустоши, прижимая к губам короткую дудочку. Тонкая ткань его наряда едва слышно шелестела, подчиняясь легкому дуновению ветра.

Внезапно юноша нахмурился и отнял флейту от губ. В ту же секунду Кан заметил, как кольцо змей, обступившее незнакомца, пришло в движение. Повинуясь незримому приказу, гады начали упорядоченно отступать в темноту.

«Неужели такая ирония судьбы?» — промелькнуло в мыслях у Кана.

«Но что ему делать здесь, в монгольских степях, столь далеко от Западного края? Да, земли найманов граничат с кочевьями, но не настолько же, чтобы он разгуливал тут в одиночку. И где его неизменная свита из дев в белом?»

Впрочем, умение повелевать змеями не было исключительной прерогативой дома Оуянов. Кан лишь едва заметно качнул головой. В этом подростке, вынужденном заниматься делом, которое ему явно не по душе, не осталось и тени того порочного и самовлюбленного распутника, каким тот был описан в оригинале. Кем бы ни был этот чужак, его искусство управления змеями заставляло быть начеку.

Кан в последний раз взглянул на белоризого юношу и решил вернуться. Он не таился — это не была слежка, и если бы его обнаружили, беды бы не случилось. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как сзади раздался голос:

— Постой, малыш! Как тебя зовут?

Кан остановился и обернулся, одарив собеседника вежливой, чуть отстраненной улыбкой.

— А как зовут тебя, старший брат?

Белоризец на мгновение замер, словно очарованный этим взглядом, затем смущенно улыбнулся и достал из складок одежды резную шкатулку.

— Меня зовут Оуян Кэ. Это — тебе.

Значит, всё же он. Человек, которому в изначальном течении истории было суждено погибнуть от руки самого Ваньянь Кана. Умереть из-за жажды завладеть секретами Оуян Фэна... и из-за Му Няньцы.

Кан усмехнулся про себя. Нынешнего его подобные мелочи не заботили. Он принял подношение и, открыв крышку, увидел желтоватую жемчужину размером с голубиное яйцо. В памяти всплыл знакомый сюжет, и он с притворным удивлением посмотрел на юношу.

— Что это? И почему ты даришь это мне?

Оуян Кэ подошел ближе, в его глазах светилось искреннее дружелюбие.

— Дядя называет это «Пилюлей носорога и земного дракона». Если носить её при себе, ни один яд в мире не причинит тебе вреда.

Кан понимающе кивнул. Так оно и было.

— Но всё же, почему я? — спросил он.

Ведь в будущем этот бесценный дар должен был предназначаться Хуан Жун в день сватовства на Острове Персикового Цвета.

— Дядя сказал, что я должен отдать её тому, кому сам захочу! — рассмеялся Оуян Кэ. — Весь путь от Западного края до самой Монголии я играл на флейте каждую ночь, и только ты один вышел мне навстречу. Значит, ты и есть тот человек. Так ты скажешь своё имя?

Глядя на нынешнего Оуяна, Кан начал понимать, почему в каноне этого персонажа сделали значительно старше сверстников. Будь он моложе, его наивность казалась бы чрезмерной. Он с невольным вздохом спрятал шкатулку и прихотливо улыбнулся.

— Лин Юй. Моё имя — Лин Юй.

В отличие от истинного имени наследника князя Чжао, по этому прозвищу найти его будет невозможно. Несмотря на столь щедрый подарок, Кан не желал ввязываться в лишние путы обязательств с домом Оуянов. Он верил, что в будущем сумеет защитить Государство Цзинь, не прибегая к помощи сомнительных сил боевого мира. К тому же, грядущая репутация Оуян Кэ как неразборчивого в средствах обольстителя вызвала у него лишь брезгливое неодобрение, пусть даже тот и проявил в итоге странную преданность одной лишь Хуан Жун.

— Лин Юй? — Оуян Кэ повторил имя, пробуя его на вкус, и радостно кивнул. — Я запомню.

Красивое имя.

«Красивое?» — Кан невольно поморщился, сам он предпочел бы никогда больше его не слышать. Тем не менее он вновь вежливо улыбнулся:

— Уже поздно, мне пора. Прощай.

— До встречи! Надеюсь, мы еще увидимся!

<http://bllate.org/book/17543/1703851>